

С. П. КАРПОВ

ОТ ФЕМЫ ХАЛДИЯ — К ИМПЕРИИ ВЕЛИКИХ КОМНИНОВ

Процесс децентрализации Византийской империи — длительное, сложное и неоднозначное явление. Лишь в последние годы был сделан решающий шаг к всестороннему уяснению его специфических черт и особенностей¹. При этом наметилось весьма перспективное, на наш взгляд, направление: исследование основных очагов децентрализации в связи с региональной историей Византии. В области Понта — византийской фемы Халдия — центробежные тенденции были особенно сильны и действовали на протяжении нескольких веков. Их победа привела к образованию в 1204 г. особого государства — Трапезундской империи во главе с династией Великих Комнинов. И хотя фактическая сторона событий исследовалась целым рядом ученых², один из них недавно не без оснований заявил: «Трапезундская империя была основана при обстоятельствах, которые остаются таинственными, несмотря на все изыскания, которые продолжают и доныне»³. Разрешение этой проблемы затруднено недостатком источников и сложностью их интерпретации. Поэтому наряду с параллельным изучением всех сохранившихся свидетельств необходим и поиск более широких подходов к теме. В этой статье мы предлагаем для рассмотрения 2 основных вопроса: каковы были движущие силы процесса децентрализации и в чем заключалась роль внешних сил (в данном случае царства Тамар) в создании нового государства на Понте?

Прежде всего необходимо отметить, что по своему экономическому типу Византия XII—XIII вв. и район Понта в XII—XIV вв. были скорее едины, чем различны. На Понте, как и в Византии, развивался процесс мобилизации земельной собственности (особенно монастырской)⁴, складывался и креп институт пронии⁵, утверждался иммунитет⁶. Внутри самой Трапезундской империи нарастали сепаратистские движения, столь характерные для Византии⁷. Это не означает, конечно, что в аграрной и городской экономике империи Великих Комнинов не было своей специфики. Индивидуальные и подчас архаичные черты, порожденные обособленностью Понта, пестрым этническим составом его населения, безусловно, имели место⁸.

Но вряд ли они определяли сам тип развития. Еще Ф. И. Успенский справедливо отметил, что в «главных чертах административного, земельного и финансового устройства Трапезундская империя не порывала с преданиями Византии и может быть изучаема с точки зрения эволюции Византийской империи»⁹. Наиболее разительным сходством было положение Константинополя в Византийской империи и Трапезунда в Понтийском регионе: город доминировал над провинцией, был ее экономическим центром и эксплуататором¹⁰. Трапезунд, такой же город-эмпорий, как и Константинополь, хотя и несравненно меньший по размерам и влиянию, стремился освободиться от налогового бремени и стеснительной опеки столицы. Трапезундские купцы и предприниматели желали обрести большую самостоятельность в своей деятельности, обращать в свою пользу выгоды от развивавшейся международной торговли, центрами которой все более и более становились понтийские города¹¹. Вот почему торгово-ремесленное население Халдии поддерживало в конце XI—XII в. полунезависимых правителей — Гавров и Таронитов¹², а затем и Великих Комнинов.

Другой социальной силой, заинтересованной в образовании на Понте отдельного государства, были местные феодалы. Примечательно, что знатнейшие фамилии Трапезундской империи, такие как Дораниты, Камахины, Каваситы, Митроматы, Тцанихиты, не были представлены в византийской элите XI—XII вв. Лишенные видных и прибыльных должностей в высшей администрации, они черпали основные средства из эксплуатации своей земельной собственности в Халдии¹³. Они стремились к укреплению своей политической власти на местах и потому уже были носителями децентрализаторских тенденций. Кроме того, их прельщала также и возможность приобщиться в выгодам торговли через взимаемые с нее налоги — коммерки: при существующем в XI—XII вв. положении большей частью эти средства «уходили» в Константинополь.

Крестьянство Понта, страдавшее от частых нападений сельджуков, было готово поддержать ту силу, которая была в состоянии организовать эффективную оборону. В конце XI — первой половине XII в. такой силой были местные феодалы, объединившиеся вокруг дома Гавров. Не случайно основатель полунезависимого «княжества» Феодор Гавра, претерпевший мученическую смерть в борьбе с сельджуками, был канонизирован и прославлен как народный герой и защитник¹⁴.

Итак, в XI—XII вв. на Понте существовали и активно действовали силы децентрализации. Но они все же, несмотря на частичные успехи, не смогли создать отдельного государства. Сепаратистские движения более или менее успешно подавлялись центральной администрацией. Следовательно, особенности международной ситуации и падение Византии активно способствовали тому, чтобы назревавший кризис мог вылиться

в целенаправленный процесс строительства новой империи на Южном побережье Черного моря.

Автор единственного дошедшего до нас местного источника, систематически освещающего историю Трапезундской империи до начала XV в., Михаил Панарет записал: «Прибыл Великий Комнин кир Алексей, вышедший (εξεληθων) из благополучного Константинополя, выступив с войском из Ивирии при помощи и содействии его тетки по отцу Тамар и овладел Трапезундом в апреле 7 индиктиона 6712 (1204.—С. К.) года, имея 22 года от роду»¹⁵. Хронист не отмечает никаких иных приобретений Алексея I, кроме Трапезунда, не упоминает вовсе его брата полководца Давида. Неполнота приведенной фразы и двусмысленность причастия *εξεληθων* приводили к тому, что иногда полагали, что поход начался из Константинополя или же спустя короткое время после того, как внуки императора Андроника I покинули город. По-разному определяли исследователи и степень родства основателя трапезундской династии и грузинской царицы Тамар¹⁶. Несомненно, однако, что смысл приведенной фразы тесно увязан со всей идейной направленностью «Трапезундской хроники». Панарет, как и другие трапезундские авторы¹⁷, подчеркивает происхождение родоначальника династии Великих Комнинов от исконных греческих василевсов, правивших в «Царице городов». Отсюда и причастие *εξεληθων* служит для обозначения того, что Великие Комнины были *выходцами* из Константинополя, который назван *ευδαμων* (благополучный, процветающий). Это словоупотребление традиционно для похвалы столице державы Ромеев¹⁸. Но ситуация, в которой она находилась в 1203—1204 гг., была столь далекой от благополучия и процветания, что такой эпитет показался бы кощунственным, будь он применен к осажденному и взятому латинянами городу¹⁹. Вероятнее, Панарет имел в виду то, что юный Алексей покинул Константинополь еще до печальных событий IV Крестового похода. Впрочем, эпитет мог быть употреблен и абстрактно, вне связи с какими-либо определенными событиями вообще. Но и тогда очевидна основная идея хрониста: обосновать легитимность власти Великих Комнинов.

Картлис Цховреба разъясняет, что побудительным импульсом похода 1204 г. была месть царицы Тамар Ангелам за ограбление Алексеем III монахов, отправлявшихся в Иерусалим и получивших от Тамар богатые дары. Узнав об этом, грузинская царица отправила часть ивирийского войска (небольшое число залихских имеретинцев), которая захватила Лазику, Трапезунд, Лимон, Самсун, Синоп, Керасунт, Китиору, Амастриду, Ираклию, все земли Пафлагонии и Понта. Эти владения и были переданы родственнику Тамар Алексею Комнину²⁰. Анонимный хронист указывает, что благодаря Тамар владетель Трапезунда был независим и правил, не обеспокоенный врагами²¹. Приобретенная территория была весьма обширна, ее

западные области были отдалены от Грузии на большое расстояние. Южный фланг был открыт для нападений сельджуков. И могла ли одна небольшая грузинская армия контролировать всю эту землю? Необходимо учесть, что в 1203—1206 гг. шла ожесточенная борьба Грузии с Румским султаном, с азербайджанскими и иранскими атабеками. В битве при Басиане (1203/04) армия Тамар нанесла сельджукам сокрушительное поражение²². После этой битвы Рум уже не смог предотвратить создание христианского и дружественного Грузии государства на Понте. Но в 1204—1206 гг. Грузия все еще была вовлечена в исключительно напряженные войны в Южной Армении, где шли тяжелые бои за крепости Хлат, Карс и Маназкерт²³. Эта борьба требовала мобилизации всех ресурсов государства Тамар и не давала возможности отвлечь большую армию на нужды Комнинов. Так, грузинский хронист Басили писал о «небольшом отряде залихских бойцов»²⁴. Да и была ли нужда в значительной экспедиции?

Тамар прекрасно знала о том положении, которое сложилось в Византии накануне 1204 г. Она имела разветвленную сеть эмиссаров и черпала информацию у щедро одариваемых дальних монастырей²⁵. Получаемые сведения недвусмысленно говорили о бедственном положении Константинополя, осажденного крестоносцами и не имевшего никаких возможностей вмешиваться в дела далекого Понта. Силы сельджуков уже были серьезно ослаблены в ходе 20-летней войны, хотя не считаться с ними было еще нельзя. Практически же прежняя фема Халдия на какой-то промежуток времени была предоставлена сама себе и при благоприятных обстоятельствах могла стать жертвой агрессии основных врагов Тамар — сельджуков. Защищая Понт и оказывая помощь Комнинам в основании здесь государства, Тамар рассчитывала на то, чтобы приобрести естественного союзника на северо-западных границах своей державы²⁶. Выполнению этой задачи способствовали длительные традиции понтийского сепаратизма, готовность отпрысков популярной комниновской династии встать во главе предприятия и, наконец, то обстоятельство, что значительная часть населения будущей империи, жившая в ее восточных районах — лазы — была этнически близка картвелам и приветствовала грузинские войска под командой греческих царевичей²⁷. Так в благоприятной исторической ситуации понтийский сепаратизм сомкнулся с внешнеполитической активностью Грузии и планами ее господствующего класса. Поэтому роль Грузии в образовании Трапезундской империи заключалась не только и не столько в прямой военной помощи, сколько в том, что царство Тамар, взяв на себя основную тяжесть борьбы против сельджуков и атабеков, стало главным гарантом самого существования рождающегося Понтийского государства.

В источниках не содержится каких-либо данных о сопро-

тивлении населения отрядам Комнинов. Напротив, Виссарион Никейский и Кривовул, независимо друг от друга и следуя сложившейся традиции, писали, что передача власти Комнинам на Понте происходила мирно²⁸. По Халкондилу, первый император «получил от местных жителей власть над Колхидой и перенес свое царство в Трапезунд в Колхиде»²⁹. Современник событий Никита Хониат отмечает в «Хронографии»: «Давид же Комнин, набрав войско из Пафлагонии и Ираклии Понтийской и частично ивирийских наемников, живущих в долине Фасиса, подчинил себе деревни и города. Расширив владения брата, которого звали Алексей, он стал его предтечей и глашатаем»³⁰. Панегирик Никиты Хониата никейскому государю Феодору Ласкарю (1206) содержит еще одно указание на быстрый переход понтийских жителей под знамена Великих Комнинов³¹. Следовательно, поддержка населения черноморских областей была основным фактором внутренней консолидации новой империи.

Трапезунд был захвачен в апреле 1204 г. одновременно с утверждением латинян в Константинополе. М. Куршанскис даже полагает, что установление власти Комнинов в Трапезунде предшествовало завоеванию Константинополя и могло рассматриваться тогда как мятеж против византийского василевса, «узаконенный» лишь последующими трагическими для Византии событиями³². Как бы то ни было, очевидно, что в самом начале силы Комнинов состояли из небольшого отряда армии Тамар (который Хониат неточно именуется «ивирийскими наемниками») и непосредственного окружения царевичей. Но последние сразу же перешли к мобилизации местных жителей. Никита Хониат отметил этот факт в связи с началом борьбы Давида с Феодором Ласкарем, когда трапезундский полководец уже овладел Пафлагонией. С выходом за пределы бывшей фемы Халдия Комнины вступили в соперничество с никейским правителем (с 1205 г. императором) Феодором I. Теперь речь шла уже о реставрации всей Византии³³. Это была иная задача, чуждая первоначальным планам и не отвечающая стремлениям тех сил, которые поддерживали понтийский сепаратизм. Прочно закрепившиеся на Понте, Великие Комнины быстро утратили Пафлагонию и Никомидию, не связанные экономически с ядром нового Трапезундского государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Hoffmann J. Rudimente von Territorialstaaten im Byzantinischen Reich (1071—1210). München, 1974; Удальцова З. В. Центробежные и центростремительные силы в византийском мире (1071—1261).— In: XV Congr. Int. d'études byzantines. Rapports et co-rapports. Athènes, 1976; Hrochová V. Les villes byzantines aux 11-e—13-e siècles: phénomène cen-

trifuge ou centripète dans l'évolution de la société byzantine? — Ibid.; **Kara-giannopoulos I.** Kentrophygoi kai kentromoloi dynameis ston byzantino kosmo.—Ibid.; **Oikonomides N.** La décomposition de l'empire byzantin à la veille de 1204 et les origines de l'empire de Nicée: à propos de la "Partitio Romaniae".—Ibid.; **Удальцова З. В., Наследова Р. А., Фонкич Б. Л., Банк А. В.** XV Международный конгресс византистов в Афинах.—ВВ, 1978, т. 39, с. 18—24.

² **Fallmerayer J.** Geschichte des Kaisertums von Trapezunt. München, 1827, S. 44—92; **Куник А. А.** Основание Трапезундской империи в 1204 г.—Учен. зап. имп. Акад. наук по I и III отделениям. СПб., 1854, т. 2, с. 705—733; **Успенский Ф. И.** Выделение Трапезунда из состава Византийской империи. Seminarium Kondakovianum, 1927, № 1, p. 21—34; **Vasiliev A. A.** The Foundation of the Empire of Trebizond (1204—1222).—Speculum, 1936, vol. 11, N 1, p. 3—37; **Iorga N.** Une nouvelle théorie sur l'origine et le caractère de l'empire de Trébizonde.—Revue Historique du Sud-Est européen, 1936, N. 4—6, p. 172—176; **Лордкипанидзе О.** К вопросу о возникновении Трапезундского царства.—В кн.: Сборник научных трудов студентов. Тбилиси, 1953, с. 145—170 (на груз. яз.); **Берадзе И. И.** К вопросу основания Трапезундской империи. Тбилиси, 1971 (на груз. яз.); **Lampsides O.** Peri ten hidrysin tou Kratous ton Megalon Komnenon.—Archeion Pontou, 1971—1972, t. 31, p. 3—17; **Idem.** Ho antagonismos metaxy ton kraton tes Nikaias kai ton Megalon Komnenon dia ten kleronomian tes byzantines ideas.—Ibid., 1977—1978, t. 34, p. 3—19; **Kurşanskis M.** L'Empire de Trébizonde et la Géorgie.—REV, 1977, t. 35, p. 237—245.

³ **Kurşanskis M.** Autour des sources géorgiennes de la fondation de l'empire de Trébizonde.—Archeion Pontou, 1970—1971, t. 30, p. 107.

⁴ **Успенский Ф. И., Бенешевич В. Н.** Вазелонские акты. Л., 1927, с. LXVI, LXXXVII—LXXXIX; **Успенский Ф. И.** Социальная эволюция и феодализация Византии.—Анналы, 1922, т. 2, с. 95—114; **Bryer A.** Rural Society in the Empire of Trebizond.—Archeion Pontou, 1966—1967, t. 28, p. 156—159; **Idem.** The Estates of the Empire of Trebizond.—Ibid., 1978—1979, t. 35, p. 414—440.

⁵ **Максимович Лб.** Пронияри у Трапезунтском царству.—Сборник философского факультета. Белград, 1974, Кн. 12—1, Споменица Георгија Остргорског, с. 393—404; **Bryer A.** Rural Society, p. 157; **Idem.** The Estates, p. 417—427; **Beldiceanu N.** L'Empire de Trébizonde à travers un registre ottoman de 1487.—Archeion Pontou, 1978—1979, t. 35, p. 65—68.

⁶ ММ, t. V, p. 279; **Iorga N.** Le village byzantin, dans: **Jorga N.** Études byzantines. Bucaresti, 1940, t. 2, p. 97—98.

⁷ О феодальных мятежах в Трапезундской империи см.: **Успенский Ф. И.** Очерки из истории Трапезундской империи. Л., 1929, с. 99—113, 125—126; **Карпов С. П.** Трапезунд и Константинополь в XIV в.—ВВ, 1974, т. 36, с. 83—84, 87—91; **Lampsides O.** Andreou Libadenou Bios kai erga. Athenai, 1975, p. 63—84, 184—205.

⁸ К их числу исследователи относят стойкие пережитки форм родовой общины, консерватизм социальной и административной структуры, выразившийся, в частности, в существовании архаичных административных территориальных единиц — банд и института аллеленгия. См.: **Успенский Ф. И., Бенешевич В. Н.** Вазелонские акты, с. CI—CIV; **Успенский Ф. И.** Очерки, с. 81—82, 122—123; **Bryer A.** Rural Society, p. 154; **Idem.** Greeks and Türkmens: the Pontic exception.—DOP, 1975, t. 29, p. 121; **Idem.** The Estates, p. 413—414.

⁹ **Успенский Ф. И.** Очерки..., с. 101, ср.: **Успенский Ф. И., Бенешевич В. Н.** Вазелонские акты, с. C; **Zakythinos D.** Die byzantinische Stadt.—In: Discussionsbeiträge zum XI. Int. Byzantinistenkongress (München, 1958). München, 1961, S. 88; **Kurşanskis M.** L'Empire, p. 238; **Oikonomides N.** The Chancery of the Grand Komnenoi: Imperial tradition and political reality.—Archeion Pontou, 1978—1979, t. 35, p. 310—313, 331—332.

¹⁰ Это доминирование отмечено самими византийскими авторами: **Cri-tobuli Imbriotae De rebus per annos 1451—1467 a Mechemete II gestis**, ed. V. Grecu. Bucaresti, 1963, p. 269, 271; **Ioannou Eugenikou Ekphrasis Trapezontos**, ekd. O. Lampsides.—Archeion Pontou, 1955, t. 20, p. 26. 17—21;

Bessarionos Egkomiou eis Trapezounta, ekd. Sp. Lampros.—Neos Hellenomnemon, 1916, t. 13, p. 184. 11—17.

¹¹ О роли Трапезунда как города-эмпория см.: **Карпов С. П.** Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII—XV вв. М., 1980, гл. 1. О трапезундском купечестве: **Его же.** Трапезундское купечество в черноморской торговле конца XIII — первой половины XV в.— *Byzantinobulgarica Sofia*, т. 7 (в печати).

¹² **Успенский Ф. И.** Выделение...; **Hoffmann J.** Rudimente..., S. 21—27, 82—85, 119.

¹³ Ср.: **Bryer A.** The Estates..., p. 370—477.

¹⁴ **Papadopoulos-Kerameus A.** Symbolai eis ten historian Trapezountos.— *BB*, 1906, т. 12, с. 132—137; **Успенский Ф. И.** Выделение..., с. 27—30; **Chrysanthos.** He ekklesia Trapezountos. En Athenais, 1933 (anatyposis.—1973), p. 456—457; **Bryer A.** Byzantine Family: the Gabrades, с. 979—с.1653.— *The University of Birmingham Historical Journal*, 1970, т. 12, N 2, p. 168—169, 175; **Hoffmann J.** Rudimente..., S. 21—27, 82—85, 111—116, 119, 135. И. Хоффманн отмечает следующие важнейшие факторы в сепаратистских движениях под руководством Гавров: 1) Гавры были крупнейшими земельными собственниками Халдии, обладали экономическим могуществом и хорошо знали обстановку на месте; 2) Гавры активно использовали свое административное положение дук; 3) Халдия, управляемая Гаврами, стала буферным полугосударством между Византией и сельджуками; 4) Гавры использовали географическую удаленность Понта от Константинополя и изолированность Халдии. Центральное правительство вполне осознавало опасности понтийского сепаратизма, но предпочитало полунезависимое правление Гавров угрозе сельджукского завоевания. Эти заключения весьма интересны и справедливы, но они не учитывают социальной базы сепаратистских движений, возглавленных Гаврами. О Гаврах в народном фольклоре см.: **Papadopoulos D. K.** Poikila asmata tou choriou Staurin.— *Archeion Pontou*, 1941, т. 11, p. 28—30; **Idem.** Asmata tou choriou Staurin.— *Ibid.*, 1948, т. 13, p. 216; **Megas C. A.** Palaia historika tragoudia tou Pontou.— *Laographia*, 1958, т. 7, p. 373—382; **Lampsidis O.** He chronike Synopsis tou Manasse kai hen "asma tou Gabra".— *Archeion Pontou*, 1958, т. 22, p. 199—219; **Idem.** To akritikon epos kai to "asma tou Gabra".— *Ibid.*, 1959, т. 23, p. 33—38; **Bryer A.** A Byzantine Family, p. 168—169, п. 22.

¹⁵ **Michael tou Panaretou Peri ton Megalon Komnenon**, ekd. O. Lampsidis.— *Archeion Pontou*, 1958, т. 22, p. 61. 1—5.

¹⁶ См. прим. 3 и 4, также: **Toumanoff C.** On the Relationship between the Founder of the Empire of Trebizond and the Georgian Queen Tamar.— *Speculum*, 1940, т. 15, N 3, p. 299—312; **Janssens E.** Trébizonde en Colchide. Bruxelles, 1969, p. 61—67. О матримонимальных связях трапезундских Комнинов с правителями Грузии см.: **Kuršanskis M.** Relations matrimoniales entre Grands Comnènes de Trébizonde et princes géorgiens.— *Bedi Kartlisa*, 1976, т. 34, p. 112—127; **Idem.** L'Empire; **Vajai S. de.** Essai chronologique à propos de la famille du Grand Comnène Manuel 1238—1263.— *Byzantinische Forschungen*, 1979, т. 6, p. 281—291; **Gray J.-S.** Les Bagratides. La plus ancienne dynastie de la chrétienté.— *La Science historique*, 1962, т. 41; **Toumanoff C.** Manuel de généalogie et de chronologie pour l'histoire de la Caucase chrétienne (Arménie — Géorgie — Albanie). Roma, 1976.

¹⁷ **Lampsidis O.** Andreou Libadenou, p. 106—107, 112; Bessarionos. Egkomiou, p. 181—183; **Papadopoulos-Kerameus A.** Analekta Hierosolymitikes Stachyologias. СПб., 1891, т. 1, p. 425—426 (Константин Лукич), p. 435—436 (Стефан Срупул).

¹⁸ **Fenster E.** Laudes Constantinopolitanae. München, 1968, S. 68, 104, 135, 209, 280.

¹⁹ Ср.: **Janssens E.** Trébizonde..., p. 64—65.

²⁰ **Brosset M.** Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIXe siècle. SPb, 1849, I-ère partie, p. 464—465; Басили, историк царицы Тамары, изд. В. Дондуа.— В кн.: Памятники эпохи Руставели. Л., 1938, с. 69—70; **Каухчишвили С. Г.** Грузинские источники по истории Византии.

Тбилиси, 1974, т. 1, с. 132—135, 148—149. Залихские имеретинцы — грузины, живущие к западу от Лихского (Сурамского) хребта.

²¹ **Brosset M.** *Histoire...*, p. 478.

²² О дате сражения (в связи с образованием Траpezундской империи) см. работы: **Гамкрелидзе А.** Дата Басианского сражения и некоторые вопросы основания Траpezундской империи.— В кн.: Вопросы истории народов Кавказа. Тбилиси, 1966, с. 245—256; **Силагадзе Б.** Некоторые вопросы истории Грузии эпохи Руставели в свете сведений Ибн ал-Асира.— В кн.: Грузия эпохи Руставели. Тбилиси, 1966, с. 117—124; **Абдаладзе А.** Армянская памятная запись о Басианской битве.— *Вестн. Акад. наук Груз. ССР. Отд. обществ. наук. Сер. истории, археологии, этнографии и истории искусств.* 1972, № 1, с. 133—139 (все статьи на груз. яз.).

²³ См.: Очерки истории Грузии. Тбилиси, 1979, т. 3 (Грузия в XI—XV вв.), с. 331—334 (на груз. яз.); **Лордкипанидзе М. Д.** История Грузии XI — начала XIII в. Тбилиси, 1974, с. 156—162; **Бердзенишвили Н. А., Дондуа В. Д., Думбадзе М. К., Меликишвили Г. А., Месхиа Ш. А.** История Грузии. Тбилиси, 1962, т. 1, с. 204—205.

²⁴ *Басили...*, с. 69; **Каухчишвили С. Г.** *Грузинские источники...*, с. 18—19, 148—149.

²⁵ **Brosset M.** *Histoire...*, p. 464—465; **Каухчишвили С. Г.** *Грузинские источники...*, с. 132—133.

²⁶ См.: **Лордкипанидзе М. Д.** *История...*, с. 161; **Béridzé Ch.** *Byzance et le Caucase.*— *Studi bizantini e neoellenici*, 1939, t. V, p. 19.

²⁷ **Bryer A.** *Some notes on the Laz and Tzan.*— *Bedi Kartlisa*, 1966, t. 21—22, p. 174—195; 1967, t. 23—24, p. 161—168.

²⁸ *Critobuli Imbriotae De rebus*, p. 271. 8—9; *Bessarionos. Egkomion*; p. 184.

²⁹ *Laonici Chalcocandylae Historiarum demonstrationes*, rec. E. Darkó. Budapestini, 1927, vol. 2, p. 218.24—219.2.

³⁰ *Nicetae Choniatae Historia*, rec. A. van Dieten, pars 1. Berolini, 1975, p. 626. 57—61. Ср.: *Georgii Acropolitae Opera*, rec. A. Heisenberg. Lipsiae, 1903, vol. 1, p. 12, 18; *Ephraemius. Opera*, ex rec. I. Bekkeri. Bonnae, 1846, p. 305. 7532—7537.

³¹ *Nicetae Choniatae Orationes et epistulae*, rec. J. A. van Dieten. Berolini, 1972, p. 139. 14—29.

³² **Kuršanskis M.** *L'Empire...*, p. 245 (ср.: **Gill J.** *Byzantium and the Paracu*, 1198—1400. New Brunswick, N. J., 1979, p. 48). Предположение

М. Куршанскиса о том, что в осажденном Константинополе знали о захвате Траpezунда Комнинами, теоретически допустимо, но маловероятно, учитывая, что сообщение между Константинополем и Траpezундом требовало от 8 до 19 дней, а Константинополь, как известно, был захвачен уже 13 апреля. Ср.: **Карпов С. П.** Особенности развития поздневизантийского города-эмпория (Траpezунд в XIII—XV вв.).— *ВО. М.*, 1977, вып. 3, с. 87—88.

³³ **Lampsides O.** *Peri ten hidrysin*; *Idem.* *Ho antagonismos.*